

Великий балетный выдумщик

Известия — 2002 —
14 сент. — с. 8

«Хореографические миниатюры» на фестивале «Гран-па»

Известный петербургский театр привез в Москву несколько композиций своего основателя Леонида Якобсона. Вечер посвятили столетию мастера. На самом деле до юбилея еще полтора года, Якобсон родился в 1904-м. Но, судя по всему, подготовленная загодя программа нуждается в длительной обкатке. Быть может, ближе к торжеству в движениях танцоров появятся упругость и точность. Сейчас же, на фестивале в «Новой опере», «Родена» станцевали так, будто скульптуры, вдохновившие хореографа, сделаны не из камня, а из ваты.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Леонида Якобсона знают как первого постановщика «Спартак» Хачатуряна в Кировском театре, как основателя одного из самых оригинальных балетных театров «Хореографические миниатюры» и как великого выдумщика и фантазера. Он изобретал новые пластические языки и наречия, «говорить» на которых увлекательно, но не просто. Истоки танца Якобсона — не в пяти классических позициях и их производных, а в движении цвета и света живописных полотен, в таинстве позировок скульптурных групп, в полифоническом сплетении музыкальных тем. Один пластический парадокс ведет за собой цепочку других, все вместе складываются в новеллы с содержанием, понятным каждому.

Непонятно только, как это происходит и чему следует непривычная танцевальная логика. Критики роняют авторучки, а затворы фотокамер щелкают в учащенном ритме. Шедеры Якобсона потрясают и в несовершенном исполнении. Но кинофрагменты, показанные после первой одноактовки юби-

лейной программы, подчеркнули разницу между тем, как было, и что стало. Осмысленная четкость первых исполнителей сменялась равнодушной приблизительностью исполнителей современных. «Леонид Вениаминович заставлял проходить движения по сто раз, выдержать такое могут не все», — рассказывала с экраны Майя Плисецкая. Сегодняшний состав «Хореографических миниатюр» пока не выдерживает. Смазанность движений пытаются компенсировать эмоциональным наигрышем, превращая шесть этюдов о любви в банальные истории о поцелуях и вечной весне. Так исполнили знаменитый якобсоновский цикл по мотивам скульптур Огюста Родена.

Но уже в следующем балете — трагедийно-гротескном «Свадебном кортеже» труппа преобразилась до неузнаваемости. Музыка Дмитрия Шостаковича взвинчивает эмоции. Причудливая смесь фантастики и быта навеяна ранними картинами Марка Шагала. Над покосившимися избушками парит свадебный стол, по сцене пробегает вереница острохарактерных типов — жители еврейского местечка — и привидений. Танец мечется в пожаре цветочных

пятен, саднит колючими прыжками и присядками и до смешного утрирует обыденные движения. Чего стоит финальный плач бедного жениха, получившего жестокую отставку, — страдалец аккуратно собрал слезинки в ладошку и выпил свое горе луковое. Бедняка станцевал самый первый исполнитель роли Владимир Лебедев, не теряющий равновесия между мелодрамой и игрой в пафос.

Подобной золотой середины очень недоставало в сценах из балета «Спартак», показанных в конце программы. Артистам, за исключением стильной Елены Шерстневой, сложная лексика дается с трудом. Особенно в сольных эпизодах. Зато массовые сцены впечатляют величавой монументальностью. Вспышки света, оживляющие статичные группы воинов, тревожный, нескончаемый бег римлянок, дикая страсть животных побоищ... Природа танцевальных эмоций занимала Якобсона гораздо больше пересказа древней истории.

Советскому балетному театру подобные поиски были не нужны. Всего через десяток лет после якобсоновской премьеры на главных сценах страны восторжествовал другой «Спартак». В основе силовых комбинаций Юрия Григоровича была почитаемая академическая классика. А открытия Леонида Якобсона остались уделом одних «Хореографических миниатюр». Не случись такого, может, и у нас были бы свои Матсы Эки, Ноймайеры да Форсайты.